

PC

0-66

И 669849

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СТРАНИЦА

СЕРГЕЙ ОРЛОВ * СТРАНИЦА

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

СТРАНИЦА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • ЛЕНИНГРАД • 1969

* * *

Мы за все заплатили сами,
Нас не может задеть хула.
Кто посмеет в нас кинуть камень,
В наши помыслы и дела?

Кто решится, нам глядя в лица,
Пережитое отмести,
В справедливости усомниться
Нами избранного нути?

Должен мерить он той же мерой,
Все изведать, что мы, сполна,
Верить сердцем такой же верой,
Что на свете, как мы, сильна.

*

Было — нами страны пугали,
Чтоб на милость страны сдались.
Было — плетью, подкупом, сталью
Всю Европу подмял фашизм.

Но в шинелях серых — не в латах,
Обгоревшие дочерна,
Мы вошли в Берлин в сорок пятом —
И в Европу пришла весна.

Мир навеки запомнил — было!
Не к солдатам из-за морей,
К нам Европа в слезах валила
Из фашистских концлагерей.
К запыленным, святым и грозным, —
Неужели тот год забыт?
И с пилоток солдатских звезды
У себя она не хранит?

*

Революция, мы — твой праздник,
Твой высокий, твой горний свет.
Сколько нас, сосчитаешь разве,
Есть и было в просторах лет!

Наших душ бескорыстных пламя —
То, чем ты на земле сильна,
Чем была ты и стала с нами,
И еще, чем ты стать должна.

Мы — рожденья твои и утраты,
Мы — твой труд и твой смертный бой,
Вечный сев твой и твоя жатва,
Лозунг всенепременный твой!

И недаром, как в озареньи,
Даль годов прищуром разя,
Смотрит, вглядывается Ленин
В наши лица, в наши глаза.

Это он глядит в революцию
Сквозь года, огни и дымы.
Ясноглазые, разнолицые,
Революция — это мы.

*

Время — Волга, время — вода.
Надо пристально оглянуться.
Ленин был один революцией —
Только в юности, в день, когда
Там, над Волгой, подумал Ленин:
«Мы пойдем по пути иному!»
Стыли дали, чреваты громом.
Это было его решение.
Это было её решение.
Был один революцией — Ленин.

*

Мы создали свои реликвии,
Начертали свои скрижали.

Безымянные и великие,
Над веками мы сами встали.

В бескозырках матросских черных
Моряки с корабля «Аврора»,
Грудь — крест-накрест в лентах патронных,
Совесьь Балтики революционной.

Кумачом рукав опоясав,
Штык винтовочный в небо врезав,
Мы с «Путилова» и с «Айваза» —
Революции строй железный.

И глаза под алой косынкой
Поднимая к людям, как звезды,
Мы с полками шли по России
Комиссарами в злую роздынь.

*

Революция — это грозный
Голос тех, кто молчал веками.
Революция — с неба звезды
Обжигающимися руками.

Революция — это право
Невозможного быть возможным.
Революция — это правда,
Торжествующая над ложью.

*

И мальчишки над калькой гнутся,
Чертят контуры циклотронов.
Это тоже ты, революция,
С ними рядом корпишь влюбленно.

И кидаешься с ходу в споры,
И взрываешься, словно порох,
И стоишь на своем упорно
С чистотой пионерского горна.

А потом в электричках тесных,
Вырываясь к лесам зеленым,
Ты поешь вместе с ними песни
И раскачиваешь вагоны.

*

Все, оказывается, проще,
Чем рассчитывало человечество.
Над Землею спутников росчерк,
На Венере наш герб Отечества.

Нам казалось, чтоб их дождаться,
Надо людям века — вчера еще.
Но мечта о всемирном братстве
Грандиозней чудес сверкающих.

Все трудней оказалось.
Не нам ли
В девятнадцатом, в ливнях света.

В буре, виделся за холмами
Коммунизм уже рядом где-то.

Но измерены не годами
Наши взлеты и наши утраты.
Мы за все заплатили сами.
С нас потомки не спросят платы.

И уже по белому свету
Льется свет наших дел и буден.
И на всех языках планеты
Стали песнями наши судьбы.

Мы не веруем в легкое счастье,
В без забот и печалей житье,
И на празднике нашей власти
Мы не гости, а суть ее.

*

Мы — загадка, враги которую
Собирались не раз разгадать.
Сколько их на свалке истории
Дотлевают — не сосчитать.

Нас хулили они за терпение
И хвалили за доброту.
Не понять Россию без Ленина,
Сложность всю и всю простоту.

Ленин был настоящим русским,
Он был всюду собой самим, —

Был, когда за Саяны услан
И когда возглавлял Совмин.

Хлеб всегда остается хлебом.
Небо всюду на свете — небо.
Он с рабочим рабочим не был
И с ученым ученым не был.

Он со всеми был только Ленин,
Просто обыкновенный гений.

Ленин — правда наша и сила
На планете нашей тернистой.
Без него не понять Россию,
И без нас его не осмыслить!

* * *

Хотел бы я волшебным даром
Пройти через заставы лет,
В Совет Народных Комиссаров —
Державы первый кабинет.

Не как любитель заседаний,
С особым чувством чтущий власть,
А как на первое свиданье,
Хотел бы я туда попасть.

В Москву пылающего года,
В одну из тех Кремля палат,
Где часовыми возле входа
Ее рабочие стоят.

Из исторических просторов
Вошел бы я, незрим для глаз,
Как та уверенность, с которой
Там думают они о нас.

Там обжигающих декретов
Слова бессмертные слышны,
Как будто пишут гимн поэты,
Походный гимн для всей страны.

Ее железные наркомы —
Сыны завода и села —
В лицо потомкам лишь знакомы,
Вершат державные дела.

Распределяют соль и воблу
И, не желая временить,
Планируют, как Дон и Волгу
Каналами соединить.

Страна в разрухе и блокаде,
Четырнадцать держав кругом,
В Москве осталось хлеба на день,
И молод первый Совнарком.

Я старше сам из них любого,
Я знаю, как пойдет их жизнь. . .
Но я хотел бы там любовью,
Теплом и верой застаться.

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Четырехногий, плоскостопый,
Квадратный, спрятавший углы,
Стол неопровержим, как опыт,
Как столп. Есть разные столы.
К одним садятся, придвигаясь,
Как будто к краю пирога,
Себе локтями помогая,
К другим — как к черту на рога.
Стол может буйством обернуться
Или лирической строкой.
Над ним склоняются и гнутся
И заслоняются рукой. . .
Нет проще и святее — с хлебом
Стола из всех. . .
Я был бы прав,
Когда б не видел стол — как небо,
Звнящее от звезд да трав.
Какой он, я и не заметил.
Увидел я, не что на нем,
Не на столе — на белом свете
Вершилось, зрело, жгло огнем.
На нем развертывалась буря
В масштабной сетке без прикрас.
И глаз глядел, знакомо щурясь
Над нею, глаз — как ватерпас.

Чтоб завтра, через год, в столетьях
Отпало, врезалось, легло,
Раскрылось не в отцах, так в детях —
Величественно и светло.

* * *

Я вижу Ленина портреты:
Вот на трибуне он стоит,
Вот он в кремлевском кабинете
Один с газетою сидит.

Но чем все дальше время мчится,
С собою унося года,
Все чаще вглядываюсь в лица
Тех, кто с ним рядом был тогда.

На площади в толпе бурливой
Рукою машет он кому
И улыбается, счастливый, —
Наверно, другу своему.

Во всех решительных сраженьях,
В года свершений и тревог
Был не один товарищ Ленин.
Что он один бы сделать мог?

Еще в сибирской снежной дали,
Считая долгой ссылки дни,
Его товарищем назвали
Впервые на земле они.

На них рассчитывая твердо,
Он начинал за правду бой.
Была у Ленина когорта
Сынов России огневой.

Из той когорты не осталось
Уж ни одной живой души.
Но, только поразмыслив малость,
Об этом молви и пиши.

Наркомы — им едва за тридцать,
Без орденов и седины —
Ушли.
Но ими те страницы
Истории освещены.

На времени святом и грозном
Не лампионов и ракет —
Буденовок их краснозвездных
И душ бессмертных плещет свет.

Недаром до сих пор, недаром
В движеньи армии труда
На всех материках пожаром
Вдруг вспыхивают их года.

А Ленин знал их поименно
И счастлив был среди тревог,
В своих товарищей влюбленный,
Тем, что он не был одинок.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПАТРУЛЬ

Земля была все той же, небо то же
Меж затененных каменных громад.
И по бедру легко стучали ложа
Патрульных, обходивших Петроград.
Пальтишки настезь. Холодок осенний
Был нипочем на утренней заре.
День начинался. Первый день творенья
В семнадцатом, восьмого в ноябре.
Был город тем же. Но над ним на Зимнем
Горел, плескался, вился алый стяг
На тонком древке в небе блекло-синем,
И был патрульных скор и весел шаг.
От Смольного по каменным ступеням
Они спустились и пошли смеясь.
Из кабинета глянув вслед им, Ленин
Свет погасил. Заря в окно лилась.
И шли они счастливые, как дети,
По середине улицы втроем,
И эхо их шагов по всей планете
Уже катилось, как весенний гром.
Ломались троны, падали короны,
Горел разбитый бомбами рейхстаг.
Был Невский тих, снежком посеребренный,
И по нему патруль чеканил шаг.
Балтийский ветер дул с реки морозной,
Шагал патруль, по Невскому шагал,

И космодром, нацеленный на звезды,
Гагарину скафандры примерял.
Вниз на Гавану с гор спускался Кастро,
Меконг с сампанов вел огонь в зенит.
Шагал патруль уверенно и властно,
Зажав в багровых кулаках ремни.
Над Африкой гремели барабаны,
Знамена поднимали племена,
И сотрясались города и страны, —
Такой была на Невском тишина.
Вдали, у Александровского сада,
Проснулись птицы, плыл костра дымок,
И самый юный, с сердцем нету сладу,
Пел песенку веселую, как мог.
Земля была все той же, небо то же, —
Но он не тот. Не бог и не герой.
На внуков и детей своих похожий,
Он с песней шел, как будто брат с сестрой.
Был первый день. Еще был молод Ленин,
Немногим больше сорока пяти.
Шагал патруль, и, разгоня тени,
Вставало солнце на его пути.
С «Путилова», а может быть, с «Айваза»,
С Обуховского, знать, наверняка,
Шагал и пел он, юный, синеглазый,
Девчонкой не целованный пока.
Я с ним сойду в одном окопе вместе —
Блокаду прорывать в сорок втором.
Он будет мой товарищ и ровесник,
Мы встанем с ним на бруствер и пойдем
Под пулями и минами как надо.
И я себя почувствую, что вдруг

В семнадцатом году по Петрограду
Иду на розовеющем ветру.
Что жив еще и молод в Смольном Ленин,
Он в синее окно глядит нам вслед.
Мы только что спустились по ступеням
И двинулись с винтовками в рассвет.
Еще на свете первый день творенья.
Горят огни на рострах. Спит вода.
Стоят в метро вагоны без движенья,
И лишь патруль идет через года.

БАЛЛАДА ВЗЛЕТА

Снега без меры, без конца и края,
Зима в России землю замела.
Гляжу на них, и кажется — читаю
По ним ее заботы и дела.
Деревни на снегу в лесах сосновых
Струят дымки, бесхитростно просты,
И от деревни до деревни новой
Снега повсюду празднично чисты.
Нога на них ни разу не ступала,
Лежат под снегом пашни и сады.
Куда идти сквозь белые завалы,
Зачем?
Как видно, нет такой нужды.
Вот тропка к бане. Вот дорога
в город.
Желта тропинка к скотному двору.
И все.
А дальше чистые просторы,
Нетронутые, белые вокруг.
Но где-то далеко, в районе энском
Протаяны снега и сожжены.
Там голос счет отсчитывает резко
Среди непогрешимой тишины.
Земля качнулась, от удара
дрогнув;
Ракета встала на столбе огня.

Здесь к звездам начинается дорога,
В неведомое шар земной маня.
В нее вплелись тропинки всей
России,

Бегущие в безмолвии снегов,
Как струи газа в пламени косые
И молнии неспешных большаков.
Так вот она дорога, та дорога
От заметенных деревень страны,
От струганого теплого порога,
Где веник притулился у стены.

.....
Что говорили вам минуты эти,
Когда, оставшись с кораблем одни,
Вы шли в скафандрах молча
по планете?

Наверное, сказали вам они:
— Возьмите вербы мерзлые
в дорогу,

Звенящие над речкой ледяной,
Хруст снега у обжитого порога,
Дымок деревни из трубы печной,
Звон эстакады выгнутого моста,
Гул городов и тишину полей, —
Возьмите их с собой в дорогу
к звездам —

Все может пригодиться вам на ней.

.....
Как снаряжали вас, как собирали
В дорогу, у которой нет конца, —
Есть лишь Россия-мать
В ее начале,

Дороги этой.
В посвистах свинца,
В пожарах красных вдоль
по горизонту,
И сборы в путь — их вспоминаю я.
Там сыновья по ней уходят
к фронту,
Ее единственные сыновья.
Уходят, чтоб в бою поднять
Россию
В победном сорок пятом в высоту,
Которую никто не мог осилить,
Явив земле святую красоту.
И вы летите, поднимая доли,
И горы все ее, и города,
И сельскую бревенчатую школу,
Где мальчишки читают по складам.
Там с вами все, что детство
открывало
Здесь, в городе гранитном
над Невой,
Где Ленин у Финляндского вокзала
Встречает день на башне броневой.
Грохочут дюзы, небо разрывая,
Все выше поднимается страна,
И люди смотрят, глаз не отрывая, —
Всем снизу на земле она видна.
И я лечу за вами следом мыслью,
Хотя бы на секунду на одну,
Туда, где звезды неподвижно
виснут,
Чтобы увидеть разом всю страну.

Россия сверху, словно ствол
березы,
Белым-бела, вся в трещинках дорог.
В бугристых темных застругах
мороза
На ней Урал, как будто смол
подтек.

Бела кора березы и бугриста,
Гладка и заскорузла и нежна.
Береза на земле в туманах
мглистых

И в ясном солнце на земле одна.
Да и земля одна. Вокруг лишь
звезды.

Шар голубой в кромешной темноте,
На нем Россия — белая береза,
И нет ее милее в высоте.

Ракеты. Космонавты. Космодром.
Вы скажете — что смыслю я
в ракетах,
Взлетающих, несущих в небо гром
Над гребнями алеющих рассветов?
Я знаю их, как стихотворец стих,
В том самом главном знаю,
изначальном.

Послушайте, я расскажу о них
Не хуже, чем конструктор
генеральный.

Я с юности с ракетами знаком.
У Черной речки били пулеметы.
Ракета поднималась над леском

И поднимала над снегами роты.
Земное притяжение порвав,
От мерзлой глины отодрав шинели,
Вставали парни, смертью смерть
поправ,

Ругаясь хрипло в огненной метели.
Мы в танке на морозе в тишине
Ракету ждем: мы без нее
не можем.

Скинь рукавицу, прикоснись
к броне —

И ты на ней оставишь с пальцев
кожу.

На пятерых одна сигарка вокруг
Поочередно обжигает губы.
Редает тьма. И над землею вдруг
Взрывают небо яростные трубы.
Сто молний озаряют облака,
Ракетный залп «катюш» ревет
в округе

Сейчас настанет очередь полка.
Мы жмем стартеры, опускаем
люки. . .

А через день под елью у костра,
Не по заказу, по своей охоте
(Пусть сверят даты лет редактора),
Я напишу о том в своем блокноте:
«Потомок наш о нас еще
вспомянет

В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начиняли
И посылали предки на врагов.
Он скажет так (и прав, пожалуй,
будет,
Лишь по преданьям знающий
войну):
— В тот дальний век изобретали
люди
«Катюшу» для полета на Луну».

* * *

Я много слышу о народе:
Народ могуч, велик народ.
То он умен и благороден,
То он чего-то не поймет.
«Народу этого не надо,
Народ пока что не дорос. . .»
А он воздвиг атомограды
И головой коснулся звезд.
К его ногам короны пали,
И в звездный час свой, в грозный год
Он нам открыл такие дали,
Что кругом голова идет.
Должно быть, он великий гений,
Но даже гениев народ —
Мой Пушкин, мой Толстой, мой Ленин —
Как сыновей в веках зовет.
И все ж летит из ближней дали,
Под скрип истории колес,
Звон двух сторон одной медали —
«Народ пока что не дорос».
Трещит башка от размышлений,
Так что же все-таки народ?
Кто он, младенец или гений,
Гигант или наоборот?

А он иной заботой занят,
Давно, решительно, всерьез,
И в Казахстане, и в Рязани,
И где-то там уже, у звезд.

ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА

Че Гевара уходит в горы,
Возвращается в мир Гевара.
Так крестьянин бросает город:
— Потянуло к пенатам старым.

Ничего не надо Геваре,
Ни портретов, ни кадиллака.
Он Гаване улыбку дарит
И уходит в свою атаку.

Десять раз его похоронят.
Десять раз его позабудут.
Будет взрывом он и погоней,
Только смерти его не будет.

Он ушел к рыбакам соленым
И к выдавшим виды солдатам,
И сегодня среди девчонок
Он пирует запанибрата.

Во главе миллионных армий
Он поднимется только завтра.
Че Гевара ушел недаром
К тем, кто рубит тростник на сафре.

К тем, кто водит машины с ветром,
К острословам — лихим шоферам.
Где-то есть на земле бессмертье —
Че Гевара уходит в горы. . .

* * *

Красный бархат и алый шелк.
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе — Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать.
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сныи,
А на завтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера.
Только я уж давно не молод.
Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою —
Где-то в залах и кабинетах,

И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.
Видно, память крепка у нас
Или просто дело не в датах, —
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

* * *

Меня раздумья одолели,
Как будто старость старика,
Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека,
Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб,
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.
Хлебаю щи — они клубятся
Над мискою, как синий пар,
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в навар.
Хожу в раздумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нельзя.

Я с ними злой, угрюмый, нежный

Стал

И придирчивый к друзьям.

Я не могу без них и с ними. . .

Вот день ступает за межу.

Встаю с раздумьями своими

И на дорогу выхожу. . .

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять всюду поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара,
Своя компания вокруг,
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не трали-вали,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку,
Ах, как натянута струна!
И мы стоим, грустя, в сторонке,
И родина на всех одна.

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке, —
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик.
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Еще не жив, любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.
Возьмет немойтой пятерней
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,

И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.
Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалека
Глаза улыбчивые щурит? ..

* * *

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще!
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем зальется в пеньи.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью, и железом пахнут травы...

* * *

Хотел бы прямо, без обиняков,
А как сказать, чтоб ты в меня поверил.
Я роюсь в груди обветшалых слов
И целой жизнью меряю потерю.
С углями перемешано, с золой
Оно, как несгоревшая железка,
Омыто кровью, потом и землей,
От ржавчины очищено до блеска.
Я жил и мыслил, подтвердит оно,
Скрепляя расступившиеся звенья
Годов нелегких, минувших давно,
И новых дней упрямое рождение.
А ты однажды распахнешь окно —
Ворвется ветер с дымом и озоном,
И ты со мною будешь заодно
Дышать им так же, как во время оно
И я дышал.
Шли грозы по реке,
От жажды выгорали побережья,
И чье-то сердце падало в тоске
И подымалось все-таки в надежде...

БАЛЛАДА
О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугунных.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,
А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без нагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю.
Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра
В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оградам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя. . .
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный,
С верой в добро и чудо
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

* * *

В заздравной дате государства,
Отмеченной календарем,
Еще дымится снег январский,
Кинжальным вспоротый огнем.
Еще цветет над Ленинградом
Салют, качается в глазах,
Во имя снятия блокады,
На улицах и площадях.
Не все, что было, бронзой стало
И медью литер прописных,
Хотя уже, как зубров, мало
Участников боев живых.
И тех блокадников, которым
За девятьсот ночей и дней
С тех пор обязан жизнью город
И ратной славою своей.
Все то, что было, — с ними рядом:
Им кажется, еще вчера
На Невском падали снаряды,
Звенели в небе «мессера»,
В снегу по пояс шла пехота,
Жизнь хлебным мерилась пайком, —
Но им не то что нет охоты
Сегодня вспоминать о том,
А нечего добавить словом
К молчанью павших дорогих,

Где снег, не ведая о славе,
Летит из года в год на них.
В соседях ближних, в землях дальних
Сильнее слов любых гремит
Молчание мемориальных
Гранитных пискаревских плит. . .

* * *

Костры горели на снегу,
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из канистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу.
Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед, —
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу. . .
Настало время мне признаться:
Не мужество, не долг солдатский
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

* * *

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли домой
В день Победы в мае в сорок пятом,
Став навеки родиной самой.
Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.
Как в жару в степи мелеют реки
И сады сгорают в тишине,
Лучшие друзья у нас навеки
В юности остались на войне.
Не хотим мы выйти в генералы,
Меньше нас на этом, чем на том.
Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы кроме нас никто.
Тысячи невспыхнувших рассветов
Осветить могли бы ярче путь.
Но зачем теперь грустить об этом.
Разве можно что-нибудь вернуть?
Молча спят под бронзовую сенью
Памятников в скверах городских
Цюлковский наш и наш Есенин,
Не раскрывши замыслов своих.
А года без них все длятся, длятся. . .
Ах, как в мире холодно без них!

Цепь порвалась. Павшим не подняться,
Чтобы на земле согреть живых.
Только плещет пламя над гранитом.
Нерушима кладбищ тишина.
Кто забыт — не знаем, что забыто, —
Этого не скажут имена...

* * *

Какое лето шло по всей стране,
Все в ливнях зноя, тишины и света,
Когда война, готовая к войне,
Ждала сигнала.
Ах, какое лето!
Хлеба стояли на полях стеной,
Шли к морю поезда с отпускниками.
За город собирались в выходной
Компаниями, школами, цехами.
А в Греции и в Африке бои,
А в Бресте у старинных казематов
Грохочут на закате соловьи
И спать ложатся с песнями солдаты.
Нам с той поры не позабыть вовек
Той тишины, спустившейся на травы,
На рощи и на русла синих рек,
На города и веси всей державы.

.....
Не шутки шутим, на земле живем,
Ее железом били, кровью мыли.
И даже в день, когда замолкнул гром,
Мы этой тишины не позабыли.
Мы не забыли сорок первый год.
Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
...Какое лето по земле идет,
В хлебах и травах пахнущее мятой...

* * *

Когда над землею раскаты
Салюта на праздник гремят,
О чем вспоминают солдаты,
Которым сейчас пятьдесят?

Они вспоминают Россию
От моря до моря в огне,
Друзей молодых и красивых,
Оставшихся там, на войне.

Одна за плечами держава,
Которой присяга дана,
Одна, словно вечная слава, —
И молодость тоже одна.

В каких бы невзгодах и бедах
Она по земле ни прошла,
Но молодость эта победной
И самой прекрасной была.

Недаром о ней под гитару
Мальчишки сегодня поют.
Недаром, недаром, недаром
Гремит над странною салют.

Давно отпылали походы,
Шинельное стерлось сукно,
Но с неба ракеты, как годы,
Летят, полыхая в окно. . .

* * *

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.
Ликовал над горсткою махорки,
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки,
Порохом продуты и огнем.
Стал я стар, и, как мальчишка, ясен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лушь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.
Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.
И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.
История. О давнем, незабвенном,
Трещит от споров некий храм наук.

Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движенье обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.
Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.
А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.
Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.
Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе. . .
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.
Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века, —
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?
Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...
Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.
Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.
Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой.
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.
Бессмертна я...
Я подчинился ей,

Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды! ..

ДВЕ ПРИТЧИ

1

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку,
Весело, рисково, резко,
В солнце, в дождик и в снега.
Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.
Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом,
Чем с глупцом копать картошку.
Заведи,
Чтоб знать с утра —
Враг не спит. Пора за дело.
День поднялся, как гора,
Бед полно на свете белом.
Поднимайся и иди,
Не ссылаясь на усталость.
Враг недаром бьет отсталых,
И врага ты заведи.
Ну, а я не завожу,
Я живу, а не играю.
У меня врагов хватает.
Если надо — одолжу!

Не имей сто рублей. . .
Слава богу, не имеем.
Словно снега в Дагомее,
В дымной сутолоке дней
Не имеем ста рублей. . .
Рано утром бьют звонки.
Двери настезь. Ставим чайник.
Заходите, мужики,
Где вас черти укачали?
Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили. . .
День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.
Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломясь от новостей.
День с друзьями, как с дарами. . .
Не имей сто рублей. . .

* * *

Человеку очень много надо.
Он не зверь, не птица, не комар,
Но не меда и не шоколада,
И не обуви пятнадцать пар.
Почему бы это, отчего бы?
Он умен, как дьявол, и хитер,
Отдавал и шоколад, и обувь.
Плаху выбирал он и костер.
Он да свет. На глиняной планете
Больше ничего, пожалуй, нет.
Хочет очень многого на свете
Человек уже две тыщи лет.
Он один да святотатства пламень
Освещают путь в кромешной мгле
Над материками и веками,
На его единственной земле.

ПИЛОТЫ

1

За городом, у кромки леса,
Где лег на землю небосвод,
Как юный двигатель прогресса
Гремит в грома Аэрофлот.
О нем кричат и днем и ночью
Реклам цветастые щиты:
За два часа ты будешь в Сочи,
За пять достигнешь ты Читы.
А что в Чите, а что в Чите там?
Рай для души, и в нем своя
Кричит реклама на щите там,
Зовет в далекие края.
Все граждане сорвались с места.
Летят незнаемо куда.
Аэрофлот, дитя прогресса,
Для них к услугам завсегда.
С утра до самой ночи поздней
К земле бетонной и с земли
Срываются со свистом звезды,
Летят, садятся корабли.
Аэрофлот вовсю хлопочет,
Грохочет — господи прости!
Снег Воркуты и пальмы Сочи
Зажаты у него в горсти.
А от него на всех широтах

По матушке земле самой
Идут усталые пилоты,
Пешком торопятся домой.

2

Когда пилоты на аэродромах
Играют в карты или в домино,
Наш тесный мир становится огромным,
Таким, каким он был давным-давно.
Еще до появления скоростей,
Магнитофонов, субмарин, гудрона,
Еще до проштампованных страстей
И массовых психозов миллионов.
Стучат костяшки. Партия козла.
И с каждым сокрушительным ударом
Уходят вдаль, и их скрывает мгла —
Материки всего земного шара.
Рукой подать! Рука сжимает кость.
И надо на почтовом до Парижа.
А кость уже вколочена, как гвоздь,
Прощай, Париж, тебя я не увижу.
Растет окурков дымная гора.
Воротнички распахнуты и души.
Далекая придвинулась пора,
Распался мир на хляби и на суши.
Скликайте в мире вымерших коней,
Седлайте их, впрягайте в дилижансы.
И за столом у молодых парней
На выигрыш приумножайте шансы.
Ищите на толкучках паруса.
Стучат костяшки звонко, как копыта.

Который час? А может, на часах
Века сгорают, как метеориты.
Пилоты забивают в домино.
Отменено пять тысяч совещаний.
Пять караулов спать ушли давно
В столицах стран, затерянных в тумане.
А у ребят хорошая игра.
Они вошли во вкус своей работы.
Такая в мире настает пора,
Когда играют в домино пилоты.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.
Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как трон серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.
Пробегают холодок в душе
С бурей и восторгом пополам.
Как мальчишки, смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.
По дороге красной, по ковру,
Трое русских юношей идут,
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.
Вспышки блицев с четырех сторон,
Строй министров. Флаги. Караул,
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.
Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой.
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.
... В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немислимой дали,

Будут прилетать издалека,
Возвращаться с неба корабли.
Никаких оркестров в тех веках.
Точный график распisanья прост.
Только у вернувшихся в глазах
Блеск работы — свет далеких звезд.
Но хочу, чтоб там, в слепящей мгле,
Знали, звездный обрета венец,
Мы их здесь встречали, на земле,
Ревом пушек, грохотом сердец.

* * *

О, беспокойство вечное умов!
Закваска века.

Молодость вселенной.

Оно срывает крыши у домов
И разрушает каменные стены.
Никто его не может предсказать
Или загнать в бутылку, словно джина.
Вот начал мальчуган соображать,
Мыслишки бродят в голове невинной,
Расчеты на тетрадном листке
И формула — и преставление света.
Все, оказалось, было на песке
И рухнуло — и нет авторитетов,
Как будто бы в кино или в раю.
Держи карман, как говорится, шире,
Я сам не верю в сказочку свою,
Но все ж брожение происходит в мире.
И на дрожжах его восходит день.
Идет умов гигантская работа,
Великое сражение идей.
Мир озаряют светом капли пота.

* * *

Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году,
А годы — костры на ветру.
Ревут города нам в притихшие души
Неоном, бетоном, стеклом.
Ракетные скорости кровь нашу сушат,
И мы забываем о том,
Что где-то на сине-зеленой опушке
Стоят неподвижно дубы.
Там дрема ромашки, там слезы кукушки
И вздох журавлиной трубы.
Там ивовый прутик, как радуга, гнется
С цветной стрекозой на спине.
И кольца судьбы в деревянном колодце
Негромко звенят в глубине.
Там пахнет полынью медово и горько
От пыльной и теплой земли.
И солнце встает за ближайшим пригорком,
А не в космодромной дали.
Там вечностью веет от крыл комариных,
От ветра мгновенного смол,
От шлепанья на землю спелой малины
И тихого рвения пчел.

* * *

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.
Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.
Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы,
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.
Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею

У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.
Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

В моей деревянной России
Орут петухи да ветра,
Да с дудочкой дядя Василий,
Как леший, сидит у костра.
Один с этим небом безгрешным,
Один с этой чащей лесной,
Да с дудочкой этой потешной,
Жалейкой — смешной стариной.
Жалеет печально жалейка
Широкое поле и луг.
Знать, жизнь для нее — не копейка,
А горя и радостей круг,
Который как будто кропилом,
Слепящим на тысячу лет,
Ни много ни мало, светилом
Очерчен самим на земле.
Костра языкатые всплески
То гаснут, то снова встают.
В них пламя Смоленска и Бреста
И Мая лазурный салют.
Чужие края и столицы
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.
А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,

Да тени в избе-колыбели,
Да пот — тяжелее зерна.
Где пламя, где жизнь — не отринешь.
Над тихой излучкой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звенит колокольцами стадо
И мчится куда-то река. . .

УХА

Как строится рыбацкая уха —
То хлебово времен палеолита,
Которое в легендах и стихах
Воспето и доныне знаменито?
В янтарных звездах

благовест с дымком —

Уха тройная. Край обетованный.
Там ходят рыбы в реках косяком
И люди погружаются в нирвану,
Скрестили ноги, вперили глаза,
И нет огромных городов на свете,
Парламентов, газет, ракет, казарм
И даже тещ двадцатого столетья.
Реки рассветной одинокий плес
Или лесное озеро возьмите.
Щепоть зари и танец двух стрекоз
Над поплавком азарта и открытий.
Возьмите неба синего полней
С застывшими, как иней, облаками,
С курлыканьем в болоте журавлей
За рыжими от солнца тростниками.
Кувшинки вздох белее снега гор.
Свист иволги веселый и печальный,
И тишины торжественный собор,
Над всем вокруг встающий вертикально.

Потом костер, в ведро воды улов,
Картошки штук пяток, головку лука.
Уха клокочет, и не надо слов,
Берите ложку. Вот и вся наука.

* * *

Бушует в душном городе жара,
Асфальт размяк, как под дождями глина,
Застряли где-то тучи и ветра,
Струится солнце в три ручья по спинам.
А на углу, как митинг в грозный час,
Собрав народ в стремлении едином,
В железной бочке на колесах квас
В день врезался, как древняя былина.
Он спорит с солнцем, с городом, с жарой,
Он обещает и дает спасенье.
Вы только станьте в очередь, как в строй,
Возьмите кружку, приготовьте деньги.
За три копейки, цвета янтаря,
В стекле туманном плещется прохлада.
От старца до мальчишки-пузыря
Полезна всем и всякому отрадна.
В ней дух земли, познавшей обмолот.
В ней сила предков, основавших веси
И города и храмы от щедрот,
А квас — ее посол и провозвестник.
Бренчу монетой. В очередь встаю,
Изнемогая, к бочке подвигаюсь
И подставляю кружку под струю,
Губами края потного касаюсь.
Пью квас. Его потомки будут пить
И вспоминать, что в землях дедичь, отчичь

Богатыри имели место быть,
Богатыри они, уж это точно.
Что жили мы под солнышком не зря,
С войной боролись, штурмовали звезды,
Как дети, всюду строили моря
И пили квас из бочки на колесах . . .

* * *

Поезд пригородной зоны
В лес поехал, как этаж
Новостройки освещенной.
Снег летит на лес и пляж.
Никого на дачах нету,
Тишина звенит в ушах.
Эта белая планета
В двух от города шагах.
В трех от грохота минутах.
Ничего не узнаю —
Все белым-бело, как будто
Я у света на краю.
Замело сыпучим снегом,
Ветром дунув, унесло
Все, что здесь под синим небом
Летом пело и цвело,
Радиолами гремело
У веселых теремов.
Снег летит спокойный, белый,
Как забвение само.
Вот оно какого цвета.
Край какой? Который век?
Ничего на свете нету,
Только белый, белый снег.

* * *

А с вами не бывает так?
По вечерам, перед закатом,
Ты застываешь просто так,
Не грустью, мыслью вдруг объятый.
Здесь край земли. Вот край зари,
Рукою можно дотянуться,
Как сигарету прикурить,
Как шаг шагнуть — и не вернуться.
Лес да заря. А за спиной
Все, что словами не опишешь, —
Дорог тяжелый гром земной
И городов несчетных крыши.
Все позади. А здесь вот край.
Край неба, леса край и поля.
Оглядывайся. Выбирай.
Но ничего не будет боле
Новей того, что позади.
А хочешь, все начни сначала,
Пока не встанет впереди
Край неба алый...

* * *

И я когда-нибудь, однажды,
Вдруг уподобясь кораблю,
Земли космическую жажду,
Как из стакана, утолю.
Уйдут серебряные рощи,
Дороги, реки, города.
Как на стекле морозном росчерк,
Мой след истает без следа.
Открыта сторона любая
Сиянью жесткому огней,
Земля печально-голубая,
И небо черное над ней.
Края безмолвия и мрака,
И только слышно в вышине,
Как лает на земле собака
Далеко где-то при луне.
И дождь стучит по ржавым листьям
Цветов железных, словно гвоздь,
Там, где солдатским обелиском
Белеет в мгле земная ось.

* * *

Леониду Мартынову

Говорил мне старый поэт,
Что он едет туда на лето,
Где ледник свой оставил след
И теперь давно его нету.

Есть там тихий лесной сельсовет,
Валуны на полях валяются;
Что там есть и чего там нет,
То найти он там попытается.

Должен там оставаться след
Наших предков эпохи каменной.
Не горшки, не землянки. Нет!
След души их живой и пламенной.

Говорил это старый поэт,
Говорил и хитро поглядывал,
Что скажу я ему в ответ
И пойму ли это как надобно.

Я представил себе сельсовет,
Тихий, временем позабытый,
И как ищет старый поэт
След искусства палеолита.

Петухи в деревне кричат,
Валуны от росы намокли,
Вот идет он, палкой стуча,
По полям с голубым биноклем.

Слышен мамонтов грустный рык,
Горы льда в небесах, как кровля.
Наступает на мир ледник,
Гасит пламя костров в становищи.

Но упрямо на валуне
Углем, глиной красной на плитах
Спорит с временем при луне
Человек из палеолита.

В бороде его тает лед,
С голодухи гнутся колени,
Но рубилом он создает
Образ девы и образ оленя.

Стаи птиц несутся на юг,
Как сухие листья по свету,
И резец кремневый из рук
Человек отдает поэту.

В небе белый ракетный след
Над лесным сельсоветом новым,
И стоит там старый поэт,
А в ладони резец кремневый. . .

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

В Михайловском гремело лето
Во все свои колокола.
И птичьи пенья — хором с веток,
И в небе — волнами тепла.
Лесов возвышенные кущи
Купались в солнце и ветрах,
Был настужь день открыт, как Пушкин
Перед Россией на горах.
С утра к нему по доброй воле
Летели через всю страну.
И просто, как на богомолье,
Пешком шагали в старину.
Я вновь узнал тебя, Россия, —
У тихой Сороти-реки
В глазах негаснущею синью
Твои светились васильки.
Твои обветренные лица
Цвели крестьянской добротой —
В платочках праздничных из ситца
С застенчивою простотой.
И как на ярмарке гармонии
Среди транзисторов редки,
Как средь машин лихие кони
Здесь становились на дыбки.
А люди шли и шли без счета,
Ревело от машин шоссе,

И радуга в свои ворота
Впустить не успевала всех.
И я, в густой толпе затерян,
Как в сказке мед и пиво пил,
Глядел, своим глазам не веря,
И веселился, и грустил.
Мне здесь на дружеской пирушке
Народ в тот день постичь помог,
Как Александр Сергееч Пушкин
Был в краткой жизни одинок. . .

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует впотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.
За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла,
Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.

Ждут праздник светло и отрадно,
И в окнах горят горячей
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

* * *

Весенняя трава права.
Она встает над прошлогодней
Травой без тени торжества,
Но только выше и свободней.

Над ней восходит ток жары,
В звон колокольчиков чуть слышный,
И одуванчиков шары,
Как облачка, стоят недвижно.

Она глядит во все глаза
Раскрытых незабудок синих,
В распахнутые небеса,
Купая корни в рыжей глине.

И им, и ей настанет срок,
Но в солнце дня и утра стыни
Ее не тяготит урок
И не страшит небес пустыня.

СКАЗЫ О ДИОНИСИИ

Рубить в высоту,
как мера и красота скажут.

Из старинной грамоты

С теплохода бросают трап
В синеву, в тишину, в березы,
В пенье птах, в полыханье трав,
Под дожди, облака и звезды.
И взыскующий града народ,
С рюкзаком на плече, с транзистором,
Как десант веселый, берет
На Шексне голубые пристани.
За спиной его в проводах,
В ливнях вздрагивающих неона
Миллионные города,
Космодромы и циклотроны.
За спиною ревуций век
Конференций, джазов, молелен
С дымным прищуром из-под век
Неусыпно в душу нацелен.
Бомбой атомной осенен,
На полотнах разъят на части,
Взвешен, выверен, расщеплен,
Засекречен, распахнут настежь.
Но летит деревянный трап,
И петух, как на крае света,
За густым частоколом трав
Запеваает горласто где-то.
Возникает голос ручья.
И за белой рощей туманной,

Незаемная, вся своя,
Открывается вдруг неожиданно,
Простодушна, пряма, чиста,
Пережившая все на свете
Неразменная красота
Нестареющего бессмертья.

*

А дорога в Кириллов вьется
От холма долиной к холму,
То вернется, то вбок метнется.
А к чему бы это, к чему?
Ну к чему бы?
Умна дорога.
Гудом ночи уже гудят.
А она — подожди немного. . .
Холм подкинет — взойди-ка, брат.
Как свеча, как парус крылат —
Вот он рядом, Кириллов град.
Вот он — только сойди с холма.
Ах, дорога, себе — сама!
Видно, был палата ума
Тот мужик, что ее торил.
Он торил ее, как творил,
Силы путнику впрок дарил,
Все поманывал — глянь-ка, брат,
Как свеча, как парус крылат,
Вот он рядом, Кириллов град.

*

Мастера воздвигали храм
До заката вплоть от рассвета,
И никто не мог мастерам
Ни перечить, ни дать совета.
И никто им был не указ, —
Стены, окна, притворы, двери
Воздвигали они на глаз,
Ну, а глаз — чем его измеришь?
Возникал, означался храм,
Рос, как сосны растут с рожденья,
К небу синему, строг и прям,
Будто в сказке по наущенью.
Прост, как небо, поле, река.
А стоишь, глядишь и глядишь, и...
А всего-то одна строка
Белых кружев камня под крышей.
А всего-то на нем сошлись
Мастера, забиваясь в выси,
И кричал им: «Слезайте вниз,
Ну-ка дайте мне! . . .» — Дионисий.

*

Дионисий.
Синие выси.
Храм шатровый на берегу.
Он раздвинул его, возвысил
Кистью.
Как — понять не могу.
Разворачивая тряпицу,

Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост. К себе на тесинку
Восходил, как на край небес,
Прижимая с красками кринку
Ко груди,
И глядел через
Стены каменные навывлет.
Широко сияли глаза,
В них озера и грады плыли,
Зори прядали, и гроза,
Травы синие Бородавы. . .
И он в озеро кисть макал,
А потом он макал в дубравы,
В алых зорь золотой накал.
А налево, да и направо,
Лишь леса в багреце, в дыму.
Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.
Кто давал ему это право,
Кто позволил это ему?
Но взрывались листвой дубравы,
Но всходили до неба травы,
И несли реки свет во тьму.
И глазасты, высоколобы,
Выше сосен, сильнее рек,
Души плотников, землеробов
Словно молнии били в век.
Не принижены, не убоги —
Просветленные люди-боги.
А тесинка под ним качалась,

И сидел он на ней один,
Сокрушенный, и звал, печалась:
— Встань-ко, сын, погляди-ко, сын... —
А тесинка под ним плясала,
Словно ярмарка на юру.
— Глянь-ко, женка, — рука писала!
Полюбуйся, а то сотру! —
Дионисий.
Синие выси.
Кисть как факел в его руке,
Изумрудное солнце виснет
В крупной капле на кончике.
Факел? ..
Кисти кидал за спину.
Били хряка дымным ножом,
Драли с теплой шкуры щетину
И смывали с нее назем.
Он стоял, бородач и странен,
Закатав рукава. Босой.
Рыжий, будто мирской крестьянин
Над невспаханной полосой. . .

*

В век космических скоростей,
Кибернетики, и нейлона
И штампованных впрок страстей
Не хватает людям озона.
Люди жаждут, ищут, таращатся,
Широко раскрывают губы.
В океане зеленой ящерицей
Остров всплыл.

Люди ахают — Куба!
Из межзвездного океана
Человек на ракете выплыл,
Но несут по землям и странам
Не ракету — Его улыбку.
В кедах, в алых и голубых
Бедных стеганках из синтетики
Дети атомного столетия
Застывают у стен лесных.
Над стыдливым пожаром лиц,
Как озёра, глаза смятенны.
Даль без края и без границ
Открывают пред ними стены.
Молчаливо они стоят,
Дышат свежестью чуда росной.
Дети физиков и солдат,
Разгорающиеся звезды.

*

Там, где Чудь чудила и Меря,
Где семь верст до небес,
Она
Начиналась не в веке — в вере,
И не в спорах — в сборах.
Со дна
Русь по капле росы сбиралась
И копилась в реке в тиши.
С вольных душ людских начиналась
На борах, на горах, в глуши.
Сталь калила, камни гранила,
На траве белила холсты,

Скатный жемчуг песен хранила.
Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьём не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скарб, а за красоту.
Ту, что не увязать, да в торок,
И на спину коня, да в орду.
Ту, что не запалить, как город,
Не купить ничем красоту.
Ту, что можно, пожалуй, кистью,
Как жар-птицу, взять на лету.
Не крестьян писал Дионисий,
Не святых писал —
Красоту.
Вот она из камней упрямо
Воздвигается к облакам,
Пусть каменья на стройке храма —
Это камни лишь, а не храм.
Пусть каменья грубы, щербаты,
И в навозе они, и в пыли,
Но из них, как солнце, палаты
На зеленой заре земли.

*

На траве во дворе дрова,
Горкомхозовские поленницы,
Неба синие острова,
Птиц серебряные коленца, и
Сошлись посреди двора

Вместе — атомной эры жители
И безвестные мастера,
Воздвигавшие днесь обители.
Вот сошлись и держат совет.
Одного они роду-племени,
Разных душ во времени нет,
Самого нет на свете времени.
В небе белый ракетный след.
Рев турбин.
А внизу под высями
Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.
Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.
Мастера сошлись на совет
Дела верного и взаимного.
Отделяется свет от тьмы.
Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.
Льется, льется листва берез
Бело-белых средь дымной сини.
Сколько глаз горит, сколько звезд,
Как похожи они в России.
Дионисий.
Ступаю ввысь
Вместе с теми,
Кто был и будет.
Освещает, как факел, кисть
Путь сквозь время идущим к людям,

СОДЕРЖАНИЕ

*

«МЫ ЗА ВСЕ ЗАПЛАТИЛИ САМИ...»	5
«ХОТЕЛ БЫ Я ВОЛШЕБНЫМ ДАРОМ...»	12
В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА	14
«Я ВИЖУ ЛЕНИНА ПОРТРЕТЫ...»	16
ОКТЯБРЬСКИЙ ПАТРУЛЬ	18
БАЛЛАДА ВЗЛЕТА	21
«Я МНОГО СЛЫШУ О НАРОДЕ...»	27
ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА	29
«КРАСНЫЙ БАРХАТ И АЛЫЙ ШЕЛК...»	31

*

«МЕНЯ РАЗДУМЬЯ ОДОЛЕЛИ...»	33
В ЭЛЕКТРИЧКЕ	35
«ОПЯТЬ НА СТАРУЮ ГЛЯЖУ НА ФОТОКАРТОЧКУ ОТТУДА...»	36
«ЧТО ЗНАЮ Я О МИРЕ И ВОЙНЕ?...»	38
«ХОТЕЛ БЫ ПРЯМО, БЕЗ ОБИНЯКОВ...»	39
БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ	40
«В ЗАЗДРАВНОЙ ДАТЕ ГОСУДАРСТВА...»	42
«КОСТРЫ ГОРЕЛИ НА СНЕГУ...»	44
«САМЫЕ ОТВАЖНЫЕ СОЛДАТЫ...»	45
«КАКОЕ ЛЕТО ШЛО ПО ВСЕЙ СТРАНЕ...»	47
«КОГДА НАД ЗЕМЛЕЮ РАСКАТЫ...»	48
«БЫЛИ ГОДЫ ЮНЫ, БЫЛИ РЫЖИ...»	50

ИСТОРИЯ	51
ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ	53
«ВСЮ ЖИЗНЬ КУДА-ТО ДАЛЕКО СПЕША...»	54
ДВЕ ПРИТЧИ	56
«ЧЕЛОВЕКУ ОЧЕНЬ МНОГО НАДО...»	58
ПИЛОТЫ	59
ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ	62
«О, БЕСПОКОЙСТВО ВЕЧНОЕ УМОВ!...»	64
«МЫ, ДЕТИ ПРИРОДЫ, ЗАБЫЛИ ПРИРОДУ...»	65
«ВЕЧЕРНЕЕ МЫЧАНИЕ КОРОВ...»	66
«В МОЕЙ ДЕРЕВЯННОЙ РОССИИ...»	68
УХА	70
«БУШУЕТ В ДУШНОМ ГОРОДЕ ЖАРА...»	72
«ПОЕЗД ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЫ...»	74
«А С ВАМИ НЕ БЫВАЕТ ТАК?...»	75
«И Я КОГДА-НИБУДЬ, ОДНАЖДЫ...»	76
«НЕБО ЛЕСОМ ОГОРОЖЕНО...»	77
«ГОВОРИЛ МНЕ СТАРЫЙ ПОЭТ...»	78
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА	80
ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ	82
«ВЕСЕННЯЯ ТРАВА ПРАВА...»	84
СКАЗЫ О ДИОНИСИИ	85

Орлов Сергей Сергеевич

СТРАНИЦА

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969, 96 стр.
Т. БЗ № 33. 1969 г.

Редактор *Ф. Г. Кацас*
Художник *Н. И. Васильев*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *Л. П. Мельникова*
Корректор *Г. Л. Черняк*

Сдано в набор 4/VI 1969 г. Подписано в печать 29/VIII 1969 г. М 22431. Бумага 70×90^{1/32}, № 1. Печ. л. 3 (3,51). Уч.-изд. л. 2,54. Тираж 20 000 экз. Заказ № 808. Цена 29 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград. Невский пр., 28. Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.

G